

Александр Войнов

Смертельная западня Абвера

Предисловие

Осенний ветер со злостью срывал с деревьев пожелтевшие пыльные листья и гнал их вслед отступающим немцам, как будто это были забытые письма-треугольники, в которых деревья просили оккупантов никогда не возвращаться назад. Линия фронта медленно, но неудержимо смещалась к западу. Заканчивался второй год немецкой оккупации.

«Блицкриг не удался, и операция „Барбаросса“ проваливается, — с сожалением констатировал оберлейтенант фон Бранденбург, разглядывая в бинокль лежащий перед ним населенный пункт. — Рыжебородый Фридрих, в честь которого названа эта операция, наверное, ворочается в гробу».

Рота СД, которой командовал оберлейтенант, получила задание взять под охрану полевой госпиталь, развернутый в бывшей психбольнице. Но это было всего лишь прикрытие. Основной задачей, поставленной перед фон Бранденбургом, было содействие Абверу в проведении сверхсекретной операции, имеющей мистический подтекст.

«Мистике придает большое значение сам фюрер. — подумал оберлейтенант, — значит, военные разведчики на правильном пути».

Место было выбрано удачно. Психбольница занимала строение бывшего монастыря и кирпичные бараки, огороженные высоким забором, напоминали небольшую крепость.

Осмотреть территорию и расставить посты! — Приказал он фельдфебелю. — И будьте внимательны. Не исключены вылазки диверсантов.

На следующий день в госпиталь начали прибывать раненые. Тех, кому не хватило места в санитарных машинах, привозили на вымощенных сеном подводах, запряженных мохнатыми коротконогими лошадьми. Легкораненым оказывали первую помощь и отправляли дальше в тыл.

В бараке, оборудованном под операционную, дверь была открыта настежь и санитары круглосуточно вносили и выносили из нее носилки. Тяжелораненые терпеливо ждали своей очереди. Они почти не стонали.

«Раны победителей не болят», — когда-то сказал фюрер. И у врачей еще не кончились обезболивающие медикаменты.

Пожилой санитар в клеенчатом халате, с закатанными до локтей рукавами вынес во двор

эмалированный лоток с ампутированными конечностями. Из-под пропитанной бурыми пятнами марли свешивалась кисть руки с перебитым в запястье сухожилием. Кисть мерно покачивалась в такт шагам санитаря, как будто хотела послать кому-то далекому последний прощальный привет. Воздух был насквозь пропитан запахом свернувшейся крови и антисептиков.

Поздно вечером на крыльцо вышел уставший, осунувшийся комендант госпиталя.

— Нам необходимо помещение под морг, — обратился он к проходившему мимо фон Бранденбургу. — В конце двора я видел часовню. Прикажите навести в ней порядок и перенести туда тех двоих, которые умерли во время операции.

— Это невозможно, герр комендант, — взял под козырек оберлейтенант, — часовню еще вчера заняло подразделение без знаков отличия.

— Что это за неизвестное подразделение на вверенном мне объекте? — недовольно поинтересовался комендант. — И у кого оно в подчинении?

Фон Бранденбург приложил палец к губам и отвечать не стал, хотя знал что это были люди адмирала Канариса. Он видел, как ночью рядом с часовней разгружалась легковая автомашина и были выставлены внутренние посты. Но посвящать в это кого-либо не имел права.

Оберлейтенант располагал информацией, что здесь готовится западня для русского разведчика-одиночки, который планирует покушение на фюрера. Охрана ставки «Вервольф» под Винницей уже была поставлена в известность. На счету диверсанта несколько удачных терактов в отношении командного состава Вермахта. У него прямой контакт с Николаем Кузнецовым и еще его называют русским Скорцени. Выполняет личные указания Сталина, так же склонного к мистицизму. По указанию Сталина отыскал на оккупированной территории правую кисть не проигравшего ни одного сражения Запоржского козака атамана Сирко и доставил в Москву в качестве магического талисмана. С тех пор русские непрерывно наступают.

Диверсант должен попасть на территорию этого госпиталя, как только отступят немцы. Этот Иван всегда на острие атаки. Но не по приказу, а по доброй воле и вдохновению. Воюет рядовым и одновременно ведет агентурную работу. Информация об этом противнике почти отсутствует. Он отлично владеет тремя диалектами немецкого, мастер перевоплощения и даже свои не знают его в лицо. Но точно известно, что он из заключенных и прошел штрафную роту. На левой груди наколот портрет Сталина. А на правом предплечье надпись: «Эрнандо Кортес», наколотая

во время войны в Испании. Это профессионал. Но у него есть слабая сторона. Русский есть большой любитель мистических артефактов. У них существует легенда, что в этих стенах замурован монах-отшельник, добровольно принесший себя в жертву во время постройки монастыря. Любая вещь этого мученика за веру есть святыня. На этом и хочет сыграть контрразведка. Русскому диверсанту подбросили нужную информацию. Но точный план миссии знают единицы.

Ночью раскаты орудийных залпов стали слышнее. Оберлейтенант сделал еще одну попытку уснуть, но сон не приходил. Он на ощупь одел шинель и вышел во двор.

Территория госпиталя утопала во мраке. Черные размытые контуры строений с тщательно зашторенными изнутри окнами издали напоминали зловещие корабли, готовые отплыть в неизвестность. Казалось, это была стая «Летучих голландцев», населенная мертвецами.

Фон Бранденбург остановился и мельком взглянул на небо, по которому метались лучи прожекторов, выискивая бомбардировщики неприятеля. Не найдя добычи, они скрестились на небосводе причудливым знаком, в центре которого повис тусклый диск луны.

«Полнолуние — самое подходящее время для

ночной бомбежки», — подумал оберлейтенант.

Эта мысль послужила причиной возникновения где-то в глубине сознания безотчетного страха, которого он еще никогда не испытывал.

«Скорее всего, это последствие контузии, полученной еще при форсировании Буга. Надо было подольше полежать в госпитале», — успокоил он себя.

Оберлейтенант вспоминал, как вчера к воротам бывшей психбольницы начали возвращаться ее прежние обитатели. У ворот собрались люди, не осознававшие реальности происходящего. Их было несколько десятков. Одеты в одинаковые старые халаты и телогрейки, они не отличались друг от друга и представляли однородную безликую толпу. Из всех оберлейтенант выделил высокого старика с длинными седыми волосами, с крестом на груди, устало опиравшегося на сучковатый посох. Одет он был во все черное и походил на странствующего монаха. Судя по осмысленному взгляду, старик знал, что должно было произойти с ними в ближайшее время, но его это не пугало. Казалось, он преследовал единственную цель — находиться рядом с теми, для кого он был необходимой опорой, и во что бы то ни стало разделить их участь.

Разобравшись, с кем имеет дело, фон Бранденбург приказал всех расстрелять. «Доктор Геббельс в своих речах дал ясно понять — евреи, цыгане и душевнобольные подлежат уничтожению. Все завоеванные территории должны быть очищены для построения Тысячелетнего рейха».

Больных расстреляли в глубине двора. Вечером оберлейтенант с удивлением вспоминал, что среди трупов не было человека в черной одежде. Видимо, тому удалось спастись.

«O, mein gott, может этот странный черный человек — плод бессонницы и моего больного воображения? Может его и не было в действительности? — С тревогой за свой рассудок подумал фон Бранденбург. — Надо расспросить о нем часового».

Заснуть оберлейтенанту удалось только под утро. Но сон продлился недолго. В тревожном предрасветном мареве в мозгу фон Бранденбурга появился черный монах и мысленно предсказал скорую гибель.

Ранним утром, опросив унтерофицера и солдат, принимавших участие в расстреле, оберлейтенант понял, что только он один видел черного человека.

На следующий день, после атаки ночных бомбардировщиков и массированного артобстрела,

русские неожиданно перешли в стремительное наступление и прорвали оборону неприятеля в районе полевого госпиталя. Опасаясь окружения, с большими потерями, бросая технику и раненых, войска противника отступили.

Секретная миссия по обезвреживанию русского разведчика была перенесена на неопределенное время...

А оберлейтенант фон Бранденбург погиб от прямого попадания артиллерийского фугаса. Кроме глубокой воронки, от бравого вояки не осталось и следа.

Встреча с «завоевателем Америки»

Сван сидел в коридоре санпропускника областной психиатрической больницы, отстроенной еще в послевоенные годы и терпеливо ожидал своей очереди. В открытый дверной проем он наблюдал, как в приемном покое толстая рябая санитарка, прикусив язык от усердия, старой ручной машинкой состригала волосы под мышками у вновь поступившего пациента. Это был худой долговязый старик лет шестидесяти, выпотрошенный жизнью да вдобавок еще и вывернутый наизнанку.

Его и Свана в сопровождении двух дюжих санитаров-эвакуаторов привезли из

приемника-распределителя в областную больницу, которая находилась в тридцати километрах от города.

Судя по внешнему виду своего спутника, Сван мог предположить, что это был обычный бич и бродяга, а попросту — бомж, решивший найти здесь свой последний приют. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы угадать, что этот человек прожил не совсем удачную жизнь. Наверняка, в прошлом на него не раз заводилась тюремная карточка, где в графе «особые приметы» была указана татуировка на левой груди. Присмотревшись внимательнее, Сван разглядел мастерски выполненную наколку, сюжет которой был не совсем понятен. На вершине холма был изображен черный монах с развевающимися на ветру седыми волосами.левой рукой он опирался на посох, а правой держал огненный крест, которым указывал в сторону полуразрушенной часовни. Внизу виднелись стены то ли старого замка, то ли разрушенной крепости. На плече у бродяги красовалась надпись «Эрнандо Кортес».

Из истории Сван знал, что Кортес был не монахом, а отважным первооткрывателем Америки, который с кучкой авантюристов конкистадоров охотился за золотом ацтеков. Но такая вольная трактовка в данном случае была допустима. Возможно, это был псевдоним владельца

татуировки и свидетельствовал о его авантюрных наклонностях и любви к презренному металлу.

Свану приходилось встречать подобные татуировки и он мог предположить ее историю.

В то время, когда этот «воинственный конкистадор» начинал открывать для себя новый материк под названием ГУЛАГ, было принято накалывать на левой груди профиль Иосифа Сталина. Такая татуировка якобы выполняла защитную функцию.

Предполагалось, что она могла спасти от расстрела. В то время вряд ли кто-либо мог решиться выстрелить в портрет вождя. Об этих зековских ухищрениях доложили Лаврентию Берии. Из политических соображений нарком запретил стрелять в изображение Сталина. Приговоренных начали расстреливать в затылок. Зэки после этого стали затушевывать отца народов. Последующая татуировка всегда была больше по размеру и почти полностью закрывала предыдущую. В итоге на груди у Кортеса получилась сюрреалистическая композиция, чем-то напоминающая работы Сальвадора Дали.

«Эрнандо Кортес» мужественно перенес все пытки, которым его подвергла рябая инквизиторша и, прошлепав по кафельному полу босыми ногами, важно опустился в пожелтевшую эмалированную ванну, наполненную горячей водой. Судя по

выражению лица, это доставило ему удовольствие. Бродяга, блаженно улыбаясь, вытянулся во весь рост и громко запел «Катюшу».

Санитарка вылила в ванну литровую кружку слабого хлорного раствора и, вложив ему в руки брусок дусового мыла, недовольно проворчала:

— Не барничай, орел ты наш сизый. Намыливайся, ополаскивайся и вылезай. Здесь не Сандуны. Вон еще в коридоре принудчик дожидается. Тоже, небось, вшей и клопов из тюрьмы принес.

Сван понял, что рябая говорит о нем. Он отличался от обычных пациентов тем, что его доставили из тюрьмы.

В свое время он был арестован, несколько месяцев просидел в следственном изоляторе, и прошел психиатрическую судмедэкспертизу, которая признала его невменяемым. Соответственно, он не нес уголовной ответственности за совершенное преступление. Суд решил, что Сван не является социально опасным преступником и направил его на принудительное лечение в обычную больницу. Где он должен был содержаться наравне с остальными пациентами.

Пройдя тем же путем, что и Кортес, пахнувший хлоркой и дустом, одетый в порыжевшие короткие кальсоны, рубаху, старый халат и стоптанные тапочки, Сван снова оказался в коридоре

санпропускника. Там, на скамейке, закинув ногу за ногу, сидел «отважный покоритель Америки».

Увидев Свана, он приветливо улыбнулся и спросил:

— Курить есть, амиго? — Получив отрицательный ответ, он ничуть не огорчился. Очевидно, слышать отказ для него было делом привычным.

— Обоих в десятое отделение. — Скомандовал дежурный врач.

Сван и Кортес под присмотром санитаров вышли из санпропускника и по вымощенной щебенкой дорожке направились в сторону кирпичного барака, где им предстояло провести немало времени. Зарешеченные и закрашенные грязно-белой краской слепые окна угрюмого строения впитывали в себя тусклый свет раннего зимнего вечера, не выпуская обратно в мир ни звука, ни отблеска. Там, за стенами из старого дореволюционного кирпича, покрытого у основания зеленоватой плесенью, с выветренными по углам известковыми швами, шла неведомая, как в Зазеркалье, жизнь, не сулящая входящему в этот мир ничего хорошего.